Довид Кац: идиш превращают в политическую игрушку



Довид Кац. Фото О. Ростовцева

Один из самых известных идишистов мира, основатель Institute for Yiddish Studies в Оксфордском университете, автор десятков книг и учебных пособий, лауреат многочисленных премий в области языка и культуры идиш, д-р Довид Кац — о перспективах маме-лошн и спекуляциях на теме его возрождения.

— Довид, вы — сын известного еврейского поэта-модерниста, номинанта на Пулитцеровскую премию Мейнке Каца. Идиш в родительском доме был больше, чем просто языком, на котором творил отец?

— Отец приехал в Нью-Йорк в 1920-м году 14-летним подростком из местечка под Вильно. Когда я родился, ему было за пятьдесят, и он создал для меня маленький мир в Бруклине, где говорили на литовском идише, причем идише царских времен. Это был удивительный мир — с каббалистами и лунатиками, революционерами и всем многообразием характеров штетла — и этот мир

жил на идише. Так что окружающая американская действительность с бейсбольными карточками и молодежной субкультурой мало меня интересовала.

— Известно, что дети большинства советских еврейских писателей идишем не владели — родители готовили их к жизни в стране, где маме-лошн был уходящей натурой… В Соединенных Штатах было по-другому?

— Практически так же. В Нью-Йорке жило тогда множество еврейских писателей, и многие из них бывали у нас дома — их дети не говорили на идише. Более того, они шептались с отцом: ты уверен в том, что делаешь? Это же *Америкэ*. Возможно, твой сын захочет стать адвокатом, врачом или, на худой конец, бухгалтером. Если ты будешь говорить с ним только на идише, как он выучит английский? Отец — стойкий литвак — был непреклонен — английский Довид выучит где угодно, а идиш получит от меня.

— В годы вашего детства — 1960-е — кто говорил на идише в Нью-Йорке?

— Пожилые евреи из Восточной Европы — как светские, так и религиозные — говорили на идише между собой и по-английски с окружающими. В те годы в Нью-Йорке еще выходили три ежедневные газеты на идише — религиозная, социалистическая и прокоммунистическая. Редактор последней скончался в 1989 году — я его хорошо помню.

В годы моей юности соседний с нами район — Боро-парк — был оккупирован венгерскими хасидами, разговаривавшими на другом идише — они к нам плохо относились, дразнили, но меня заинтересовал их язык, и уже в Колумбийском университете я стал изучать диалекты маме-лошн.



«Часовщик», худ. Й.Пен

— Решение связать с идишем профессиональную карьеру — экстравагантный шаг или другие варианты просто не рассматривались?

— Это решение я принял еще в 15 лет. Мы были не религиозны, но отец хотел, чтобы я изучал иврит, арамейский и еврейскую традицию, поэтому я учился в так называемой модерной иешиве, которую хасиды из Боро-парка называли гойской иешивой.

Преподаватели (преимущественно израильтяне) были настроены резко негативно по отношению к идишу, и среди студентов началось движение с требованием включить этот язык в программу хотя бы в качестве факультатива. Я даже издавал газету «Алейхем шолем», мы сделали значки Yiddish Now («Идиш сейчас»), и директор грозился, что любого уличенного в ношении этого значка сразу выгонят из иешивы. Поэтому мы прятали его за

лацкан пиджака.

Удручала также враждебность к идишу со стороны значительной части американской еврейской интеллигенции — людей, говоривших исключительно по-английски и считавших иврит (который они тоже не знали) единственным еврейским языком, заслуживающим внимания. Когда таким людям желали *гут шабэс*, они с тяжелым американским акцентом отвечали: *шабат шалом*.

В 1974-м уже в Колумбийском университете я стал заниматься лингвистикой идиша и, дабы избежать мишуры актуальной политики, сосредоточился на периоде тысячелетней давности. А поскольку все материалы, необходимые для доктората, находились в главной библиотеке Оксфорда, в 1978-м я переехал в Британию.



Театральные и киноафиши эпохи «золотого века» идиша в США

— И из докторанта вскоре стали директором программ Yiddish Studies.

— Мне повезло — Департамент иудаики Оксфорда искал преподавателя идиша на один час в неделю. До этого идиш преподавали там санскритским методом — как мертвый язык. Это в корне отличалось от моего подхода, когда после базового уровня идиш преподается на идише, чтобы студенты научились бегло читать и говорить на этом языке. Так, один час в неделю превратился в три курса, появилась возможность получить по идишу первую степень, затем — вторую, а с 1984 года — защитить докторат. Параллельно мы запустили месячный интенсив по изучению идиша, предполагавший

полное погружение в язык, а с 1985 года проводили ежегодную зимнюю конференцию, звездой которой был профессор Вольф Москович из Иерусалима. Он же стал экзаменатором на нашей докторской программе.

В 1994-м был создан Oxford Institute for Yiddish Studies, примерно тогда же я стал привозить студентов из стран бывшего СССР, сотрудничавших с редактором «Советиш геймланд» Ароном Вергелисом, — они стали плести интриги, что в итоге разрушило программу.

— Проведя много лет в Оксфорде, вы готовились стать профессором в Йеле, но… неожиданно выбрали Вильнюс, где в местном университете возглавили кафедру идиша. Неужели литвацкие корни оказались столь сильны?

— 1997/98 год я провел в качестве гостевого профессора в Йельском университете. Там была удивительно высокая зарплата и на удивление мало работы, но… это был самый скучный год в моей жизни. Поэтому, когда мне предложили 10-летний контракт в Йеле и одновременно кафедру в Вильнюсе, — я выбрал Литву. Мама, которой сегодня 97, до сих пор не может простить мне этого решения — зарплата в Вильнюсе составляла примерно 1/40 от предложенной в Йеле.

С 1990 года я посещал Литву и Беларусь — искал места, о которых рассказывал отец, а потом создавал атлас диалектов последних из могикан, говоривших на идише. Пребывание в Вильнюсе я хотел использовать для продолжения работы над своим атласом, учитывая, что до объектов исследований оттуда было гораздо ближе, чем из США.

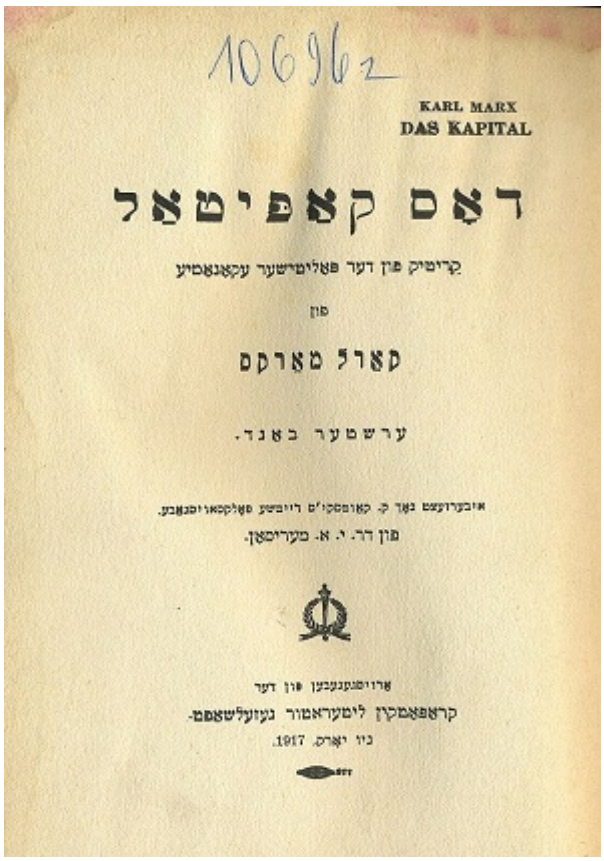
— Не жалеете о выборе в пользу Литвы? Многое из задуманного удалось реализовать?

— Первые десять лет в Вильнюсе были замечательным периодом. Но в 2008-м прокуратура Литвы вызвала в качестве свидетелей двух пожилых женщин — Рохл Марголис и Фаню Брацовскую — их обвиняли в том, что, бежав из гетто, они присоединились к советскому партизанскому отряду, который якобы участвовал в расстреле жителей деревни Канюкай, обвиненных в коллаборационизме. (В прошлом году президент Литвы Даля Грибаускайте наградила партизанку Фаню Брацовскую орденом «За заслуги перед Литвой», — прим. ред.). Для меня эти женщины являлись не только объектом

академических исследований, я был очень привязан к ним.

В том же году в День независимости Литвы в столице прошел марш неонацистов, что вызвало шок у меня и моих друзей. Тогда же была подписана Пражская декларация, приравнивавшая преступления нацистов к преступлениям коммунистического режима.

В 2009 году в британской Jewish Chronicle я высказался по поводу этой ситуации, после чего в университете мне заявили, что в случае появления еще одной подобной статьи сотрудничество с их учебным заведением будет прекращено. Вскоре вышел еще один мой материал в Irish Times и в американском издании Tablet — и сразу посыпались обвинения в том, что я российский агент, приверженец коммунизма — это превратилось в целую кампанию. Учитывая мою ненависть к коммунизму и путинскому режиму, все это выглядело достаточно комично, тем не менее, мой контракт с Вильнюсским университетом не продлили… Так что сегодня я профессор другого вуза — Технического университета Гедиминаса, где преподаю английский, философию, этику, но не идиш…





«Капитал» Карла Маркса на идише, Нью-Йорк, 1917

Советский плакат 1920-х годов

— Для литовцев идиш — это исчезнувшая чужая цивилизация? Чувствуют ли они эту культуру некой частью своего наследия, как в Польше, где даже возник феномен «еврейской» культуры без евреев?

— Литовцы, в чем я имел возможность убедиться за последние 20 лет, — приятные и толерантные люди, что вступает в некое противоречие с государственной политикой.

После того как контракт со мной был расторгнут, правительство решило, что идиш — важный пиар-инструмент для улучшения имиджа Литвы в мире. В последнее десятилетие на бумаге расцвели сразу три соответствующих институции. Во-первых, основанный мной когда-то Институт идиша, который возглавил человек, входивший в правительственную комиссию по расследованию преступлений нацистского и коммунистического режимов в Литве, — по сути, назначенец правительства.

Идиш в качестве политической игрушки используют не только в Литве. Просто там это игрушка в руках правых, а в таких странах, как Германия, Голландия и Польша, идиш часто становится инструментом левых в их антиизраильской риторике.

Кроме того, в Вильнюсе появился филиал YIVO (Исследовательского института идиша), чей глава был вынужден войти в ту же правительственную комиссию, что вовлекло институцию в политические игры.

Возник в литовской столице и Международный *центр* языка и культуры *идиш* при Всемирном еврейском конгрессе — у них красивый офис в центре города.

Проблема в том, что кроме месячного интенсива, в течение года ни в одной из этих институций нет возможности изучать идиш. Так малые языки становятся жертвами политических игр.

Да и академическое поле идиша, процветавшее в 1990-х (когда я мог найти профессорские должности для всех моих выпускников), пришло в упадок. Идиш заменили иврит, библейская литература, сионизм и т.д.

Что касается меня, то я сейчас работаю над фундаментальным англо-идиш

словарем с объяснениями и комментариями, например, статья *Беларусь* занимает 2000 слов.

— Вы многие годы посвятили изучению становления идиша как национального языка, а также возникновению его различных диалектов. Какова роль Черновцов (где мы беседуем в кулуарах конференции по языку и культуре идиш) в этих процессах?

— Черновцы — главный символ светского идишизма, ведь именно здесь на конференции 1908 года идиш был провозглашен основным национальным языком еврейского народа. Две звезды этого форума были интеллектуальными радикалами. Это, во-первых, Эстер Фрумкина — основательница современной школы на идише, считавшая, что у иврита нет перспектив. Эстер — одна из лидеров БУНДа — изменила политику этой партии с русификации на идишизацию. После революции она стала правоверной коммунисткой, была вычеркнута из истории идиша и умерла в лагере под Карагандой в 1940-е годы.

Вторым радикалом был 23-летний Матитьягу Мизес, утверждавший, что иврит — это язык для тех, кто любит кладбища, а еврейство Европы будет говорить либо на идише, либо ассимилируется и перейдет на языки окружающих народов. В то же время в Палестине он предсказывал ивриту светлое будущее.

Я тоже вставлю свои пять копеек в эту радикальную струю — сегодня за пределами Израиля нет ни одной семьи, говорящей на иврите, не считая израильтян, живущих за рубежом. На идише, напротив, говорят во многих странах. Прежде всего, хасиды, среди которых насчитывается от полумиллиона до миллиона носителей идиша.



Пропуск участника Черновицкой конференции 1908 года

— Можно ли говорить на сегодняшний день о некоем возрождении идиша (на чем спекулируют многие из еврейских функционеров, выбивающих гранты на соответствующие программы) или все-таки о его сохранении и изучении? Ведь Холокост лишь ускорил исчезновение маме-лошн, но истинными врагами были модернизация и ассимиляция — процессы, которые сложно остановить.

— Очевидно, что после Холокоста идиш в светской среде исчезает, ведь даже дети крупнейших еврейских писателей не говорят на языке своих родителей. Это касается свободного мира — США, Канады, Австралии, где не было Гитлера, Сталина и израильского пренебрежения к маме-лошн.

Полвека назад у идиша на Западе был негативный имидж — он был символом Восточной Европы, штетла, нищеты и провинциальности. Сегодня, с уходом старшего поколения, ситуация изменилась — молодежь заинтересовалась поиском корней, внезапно расцвела идиш-индустрия — музыка, фильмы, на Amazon.com вы можете купить презервативы с надписью I love Yiddish.

В Америке любая инициатива всегда превращалась в некий бизнес, недаром евреи-иммигранты называли США *Америчкэ ганев* — Америка-воровка.

Надо понимать, что Соединенные Штаты — монолингвистическая страна — множество интеллектуалов не говорят ни на одном языке, кроме английского. В последней президентской кампании один из кандидатов троллил своих оппонентов — этот знает французский, а тот говорит по-испански — и таким «компроматом» он выбил двух кандидатов на праймериз.

Идиш нужно учить как любой другой язык — грамматику, синтаксис и т.п., иначе это будет не идиш, а *об идише*. В штате Массачусетс несколько лет назад кинули клич: помогите спасти идиш. Спасение пришло в виде десятков миллионов долларов, вложенных в комплекс зданий, но в результате не был издан ни один учебник идиша.

Конечно, существует то, что мой отец называл «островами», — небольшие группы светской интеллигенции, говорящие на идише и преданные идее его возрождения.

Но единственная среда, где идиш остается языком улицы, — ультраортодоксы. Их истеблишмент отнюдь не монолитен — внутри этой общины есть люди, занимающиеся идишем и литературой на идише вполне профессионально, — например, д-р Хая Нов, присутствующая на этой конференции.

Светские ученые порой скептически относятся к хасидскому идишу, критикуя неправильную грамматику, произношение и т.д., но наша конференция включает в себя целую секцию по хасидскому идишу — живому языку. Это очень важно — собрать людей с разными бэкграундами, которые занимаются одним делом.



В квартале Боро-парк, Нью-Йорк

— Насколько релевантен для идиша опыт возрождения умирающих языков? Мэнский, гэльский, корнский, бретонский, ирландский… Или в отсутствии компактного проживания носителей — все это пустые фантазии?

— В отсутствии компактного проживания носителей или в отсутствии общин язык, как правило, умирает. Или переходит в статичное состояние. Иврит, в течение столетий пребывая в таком состоянии, использовался для написания новых трудов, но не развивался как живой язык.

Слово «возрождение» может использоваться по отношению к литературе, но без общины язык не будет живым. Без хасидов идиш станет умирающим языком. Современные светские интеллектуалы забывают о том, что 99%

ведущих писателей на идише выросли в религиозных семьях, — Шолом-Алейхем, Менделе, Перец, Башевис-Зингер…

— Но они переросли эту среду…

— Было бы замечательно, если бы современные носители живого идиша и ученые пришли к некоему общему пониманию языка, и нынешняя конференция — важный шаг на пути в этом направлении.

— Насколько хасидский идиш соответствует вызовам эпохи? На нем можно издавать журнал мод или учебники по биологии?

— Я демонстрировал здесь полтора десятка журналов на идише — это очень разные журналы, есть среди них и женские, но для религиозных женщин; и для мужчин, где обсуждаются фасоны талита, принятые в разных хасидских дворах, — это, разумеется, не Vogue.

В Нью-Йорке существует группа, создающая неологизмы на идише, отражающие все аспекты современного общества, — я называю это фейковыми словами. Словарь этих фейк-слов, заменивших иноязычные термины, принес больше вреда, чем пользы, поскольку живой язык так не функционирует.

Что касается учебников, то школы с преподаванием на идише ими обеспечены — и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Антверпене. Если же речь идет о людях, которым необходим идиш для кардиохирургии или полетов в космос, то, в случае их появления, соответствующая лексика будет наработана.

Беседовал Михаил Гольд